И.О. Милованова,
аспирантка кафедры социологии РАГС

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
(Социолого-историографический аспект)

Существует мнение, что реалии политики не имеют ничего общего с интеллигенцией, несовместимы с людьми науки, искусства и культуры, представителями интеллектуального труда.

Взаимосвязь между политикой и интеллигенцией, разумеется, не очевидна. Скорее идет речь о ценностях, их соотношении в интеллектуальной среде и гипотетической возможности утверждения во власти. Ясно, однако, что принятие адекватных решений в политике требует опоры на фундаментальные теоретические основы, которые, как правило, вырабатывает интеллигенция. Как носитель такого знания, а также идеи социального прогресса общества она играет огромную роль в обществе, а сегодня – в проводимых в России демократических реформах. Особенно заметно ее влияние на формирование общественного мнения в любой стране. Тем не менее при всех этих очевидных положениях роль в политике гуманитарной интеллигенции как социальной группы традиционно является предметом обширной дискуссии.

Многие видные российские интеллектуалы начала XX в. именовали русскую интеллигенцию «революционным орденом», «генеральным штабом революции», «синонимом революционного самопожертвования»[1]. Так, С. Иванович считал: «До сих пор “идея” интеллигенции неразрывно была связана с идеей русского освобождения... Покуда жив старый режим, жива и старая интеллигенция, покуда не умрет идея освобождения, до тех пор не умрет и идея интеллигенции»[2]. Соответственно «интеллигентство» воспринималось подчас как синоним «партийности», «кружковщины», «фракционности»[3]. Тре-

[1] См.: *Степун Ф.А.* Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М., 1993. С. 286 – 302; *Франк С.Л.* Крушение кумиров // Соч. М., 1990. С. 116; *Далин Д.* После войн и революций. Берлин, 1922. С. 164.

[2] *Иванович С.* Судьбы русской интеллигенции // Наша заря. 1910. № 5/6. С. 53.

[3] Биограф князя Г.Е. Львова так описывал состояние главы первого Временного правительства: «Он попал в водоворот политической борьбы интеллигентского партийного доктринерства...» (*Полнер Т.И.* Жизненный путь князя Геор-

бования «политической корректности» формулировались весьма жестко – неудивительно, что «интеллигенцию» часто сравнивали со средневековым монашеским орденом. Ф.А. Степун утверждал: «У ордена русской интеллигенции не было определенного религиозного взгляда, но он каждое мировоззрение превращал в религию. Никто не давал никаких обетов, но каждый, присоединившийся к ордену, знал, что это на всю жизнь»[1].

Трактовка «интеллигенции» как общественно-политического феномена была не единственной, однако распространенной, что влияло на восприятие термина. Не все интеллигенты активно участвовали в общественной жизни, однако именно такое поведение часто признавалось наиболее адекватным идентификационным признаком – стоявшие в стороне интеллигенты ощущали подчас свою второсортность, активисты же именовались «передовой частью интеллигенции», «передовой интеллигенцией»[2].

Таким образом, по мнению ряда российских ученых, деятельность интеллигенции должна быть неразрывна с политикой, и ее активность оценивается степенью и интенсивностью участия в политической жизни страны.

Эту точку зрения во многом поддерживают западные исследователи. Так, французский ученый Ж. Бюрдо, оценивая политическую роль интеллигенции, высказывается категорично: «Интеллигентом становится лишь тот, кто открыто занимает политические позиции»[3]. В рамках этого подхода существуют различные обоснования необходимости политической роли интеллигенции – от элитарного, когда интеллигенции отводится высшая и руководящая роль в обществе, до попыток выяснить реальные возможности интеллигенции, ее действительное место в политической структуре общества.

Американский социолог Э. Шилз[4], исходя из того, что в интеллигентах нуждается любое общество, подчеркивает, что чем сложнее общество, тем они необходимее. Сотрудничество интеллигенции и власти, достижение между ними оптимального баланса составляет совместную задачу государственных деятелей и сознающих свою ответственность интеллигентов.

гия Евгеньевича Львова: Личность. Взгляды. Условия деятельности. Париж, 1932. См. также: *Абрамович Н.Я.* Подполье русского интеллигентства (О тупиках русского интеллигентского сознания). М., 1917.

[1] Цит. по: *Зернов Н.* Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991. С. 19.

[2] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 237.

[3] *Burdeau G.* Les intellectuelles et le pouvoir // Project. P., 1976. N 109. P. 1020.

[4] См.: *Шилз Э.* Интеллигенция и власть. Опыт сравнительного анализа // Интеллигенция и политика: Реферативный сборник. М., 1978.

С консервативных позиций тенденцию к активизации политической деятельности интеллигентов критикует немецкий исследователь Х. Шельски[1]. Он утверждает, что немецкая (тогда еще западногерманская) интеллигенция, под которой он в основном подразумевает интеллигентов левых убеждений, ставит целью установление своего фактического господства в обществе, используя такие каналы, как система воспитания, массовые коммуникации, ведущие позиции в ключевых институтах общества. Шельски видит в этом формирование «жреческой касты интеллигентов», которая, как и духовные касты прошлого, будет править обществом, игнорируя подлинные интересы людей.

От оценок политической роли интеллигенции на глобальном уровне ряд исследователей переходит к рассмотрению вопроса, как ведет себя интеллигенция в повседневной политической жизни. Американский социолог С. Бергер считает, что главный инструмент влияния, которым может наиболее эффективно пользоваться интеллигент, – политическая партия. Интеллигенты, по мнению Бергера, «предполагают политически направляющие идеи лишь в том случае, если ситуация открыта для них. Политически открыта в том смысле, что они видят возможность определенного доступа к партиям и к народу, и перспективно открыта в том смысле, что у них есть какая-то надежда на осуществление своих идеалов. Отсутствие такой открытости ведет к отчуждению интеллигентов»[2].

Повышенный интерес интеллигенции к деятельности в рамках политических партий прослеживается в целом ряде работ. Исследуя, к примеру, типологию поведения американской интеллигенции, ученые выделяют определенный и сравнительно новый тип «интеллигента действия». По мнению Э. Вина[3], ссылающегося на исследователя Г. Борха, этот тип интеллигента существует в США со времени ррезидента Ф. Рузвельта. «Интеллигент действия» – человек, пытающийся воплотить свои идеи в жизнь, участвуя в деятельности администрации в качестве советника или функционера. Э. Вин полагает, что такое явление становится типичным и для других стран Запада.

Напомним: подобное явление было типично и для России начала XX в., однако революция, вдохновителями которой была интеллигенция, оказалась ею проиграна. Одной из главных причин этого фиаско, которую отмечал П.Б. Струве, является отщепенство интел-

---

[1] См.: Политическое поведение интеллигенции в странах западного капитализма // Интеллигенция и политика: Реферативный сборник. М., 1978.

[2] Политическое поведение интеллигенции в странах западного капитализма. // Интеллигенция и политика: Реферативный сборник. М., 1978. С. 15.

[3] См.: *Вин Э.* Интеллигенция в политике и обществе // Там же.

лигенции. Отщепенство понимается у него в смысле «отчуждения от государства или враждебности к нему». «Это отщепенство», – продолжает мысль автор, «выступает в духовной истории русской интеллигенции в двух видах: как абсолютное и как относительное. В абсолютном виде оно является в анархизме, в отрицании государства и всякого общественного порядка как таковых… Относительным это отщепенство является в разных видах радикализма…»[1]

Аналогичную точку зрения развивал Н.А. Бердяев. В работе «Духи русской революции» он замечал: «Русская интеллигенция в огромной массе своей никогда не сознавала себе имманентным государство, церковь, отечество, высшую духовную жизнь. Все эти ценности представлялись ей трансцендентно-далекими и вызывали в ней враждебное чувство, как что-то чуждое и насилующее. Никогда русская интеллигенция не переживала истории и исторической судьбы как имманентной себе, как своего собственного дела, и потому вела процесс против истории как против совершающегося над ней насилия»[2].

Важное наблюдение делает в этой связи С.Л. Франк. Оно заключается в невыполнении интеллигенцией одной из важнейших ее функций – культурной деятельности, духовного производства. Подобное замечание выносит интеллигенции Франк, отмечая, что из двух форм человеческой деятельности – распределения и производства благ – русская интеллигенция признает исключительно первое. «…Интеллигенция почти так же мало, как о производстве материальном, заботится о производстве духовном, о накоплении идеальных ценностей; развитие науки, литературы, искусства и вообще культуры ей гораздо менее дорого, чем распределение уже готовых, созданных духовных благ среди масс»[3].

Созвучна мнению авторов сборника «Вехи» точка зрения К. Биденкопфа[4]. Он полагает, что интеллигент теряет присущие ему качества критики, когда становится политиком, поскольку политик, осуществляя те или иные конкретные цели, неизбежно прибегает к компромиссным решениям. Биденкопф полагает, что между интеллигентом и политиком непременно должны существовать отношения, но эти отношения должны носить характер, как он называет, «конструктивной напряженности».

---

[1] *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. статей 1909 – 1910. М., 1991. С. 139.

[2] *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С. 102.

[3] *Франк С.Л.* Этика нигилизма. // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. статей 1909–1910. С. 174.

[4] См.: Интеллигенция и политика: Реферативный сборник. С. 16.

В определенной степени точку зрения Бикенкопфа разделяет другой немецкий исследователь – В. Бергсдорф. Анализируя поведение интеллигентов, активно поддерживающих западногерманских социал-демократов в период их попыток самостоятельно сформировать правительство ФРГ в 1949 г., он приходит к выводу, что в дальнейшем такая поддержка привела к отрицательным результатам, поскольку интеллигенты, не желая критикой нанести вред СДПГ в период ее нахождения у власти, тем самым ослабили позиции этой партии, ее способность улавливать настроения избирателей. Он называет интеллигентов, поддерживающих СДПГ, «правительственными интеллигентами», противопоставляя их «критической интеллигенции». Такое противопоставление ставит под сомнение тот факт, что «правительственную», то есть некритическую интеллигенцию, можно называть таковой.

Этой же точки зрения придерживается М. Белоф. Он считает, что если специалист в той или иной области науки начинает претендовать на роль носителя определенных методов, а не просто общих идей и принципов, то эта тенденция влечет за собой негативные последствия. Задача «интеллигента в широком смысле в значительной степени сводится к тому, чтобы сделать доступными выводы специалистов для тех, кто не знаком с его языком или методами. Но когда речь идет о большем, об активной роли в формировании политики или законодательных инициативах, при использовании академических экспертов существует опасность – на этот раз не для них самих, а для правительств или отдельных политических деятелей, которым они служат»[1].

Итак, ряд исследователей полагают главной функцией интеллигенции духовное производство, а политическая активность интеллигенции рассматривается ими не только как второстепенная, но и вредная.

На наш взгляд, сегодня трудно оспаривать мысль, что гуманитарная интеллигенция может и должна активно принимать участие в политической жизни страны, привнося в нее высокое интеллектуальное и нравственное начало. Однако эта деятельность призвана быть крайне ответственной, ибо, во-первых, затрагивает судьбы многих людей, а во-вторых, не должна мешать, а главное противоречить основной функции интеллигенции – анализу, критике и разъяснению. Способность анализировать и критически оценивать деятельность властей, гражданская позиция интеллигенции, на наш взгляд, должны проявляться и выражаться в разъяснении политики народу, формировании

[1] Цит. по: Специфика политической роли американской интеллигенции // Интеллигенция и политика: Реферативный сборник. М., 1978. С. 128.

здорового общественного мнения, которое, в свою очередь, способно влиять на решения власти. Согласимся с И. Шумпетером в том, что «интеллигенты редко становятся профессиональными политиками и еще реже достигают ответственных постов. Но они образуют штабы политического бюро, пишут партийные листовки, речи, работают секретарями и советниками и создают газетную славу отдельным политикам. Поступая таким образом, интеллигенты оказывают определенное влияние на все, что происходит»[1]. Такая активность может осуществляться с разной степенью интенсивности: от вступления в политическую партию и дальнейшего участия в ее работе до помощи старушкам, живущим в своем подъезде, в разъяснении программы выбираемых политических партий.

Немецкий исследователь Э. Вин в политическом поведении интеллигенции выделяет следующие типы:

1. ***Конформность.*** В иерархических элитарных обществах интеллектуальные группы блокируются с господствующими элитами, что ускоряет процесс возникновения революционной интеллигенции социалистического или популистского оттенков. Интеллигенты, считает израильский социолог Бен-Давид, «как таковые не более склоны к революционной деятельности, чем буржуазия – революционность для обеих групп явление переходное, выступающее в условиях блокирования социальной мобильности»[2]. Согласно Бен-Давиду, это особенно ярко проявилось в странах, где революционная политика интеллигенции имела успех: интеллигенты в Советском Союзе стали таким же прагматическим и конформистским средним классом, как любая другая мобильная группа.

2. ***Деструкция и коллаборационизм.*** Немецкий социолог Г. Борх отметил, что политическое поведение интеллигенции в США весьма противоречиво. Наряду с протестующими против власти левыми интеллигентами широко распространен тип «интеллигента действия». «Интеллигенты действия» выступают в процессе принятия решений не только как советники, но и как участники, облеченные ответственностью. Позицию «интеллигентов действия» выразил Р. Гудвин, молодой интеллигент из окружения Дж. Кеннеди: «Подлинная обязанность по отношению к идеям – превращать их в действие. Легко оставаться чистым, если оставаться на расстоянии. Но Гёте говорил, что действовать – значит быть готовым к тому, чтобы немного согрешить»[3]. «Интеллигенты действия», работавшие в разных сферах ока-

[1] Цит. по: *Вин Э.* Интеллигенция в политике и обществе. С. 47.
[2] Там же. С. 50.
[3] Там же. С. 51.

зывали чрезвычайно большое влияния на решения, принимавшиеся правительством при Кеннеди.

Однако наряду с этим слоем интеллигентов был и есть другой слой – отчетливо сформировавшееся меньшинство интеллигентов, выступающее против власти и против «истэблишмента». Многие из них принципиально отклонили приглашение в Белый дом и позднее установили связь со студенческим движением. Один из их – непримиримый критик «интеллигентов действия» Н. Хомски, многократно выступавший с острой критикой различных проектов, составленных учеными для правительства, которые при всей научной обоснованности носили антигуманный характер.

Подводя итог краткому обзору точек зрения на роль и место интеллигенции в политике, отметим, что ее политическая активность может быть различной. Мы же, формулируя свою точку зрения, поддержим мнение В. Третьякова, что профессиональные вопросы должны решать профессионалы, политические ориентиры которых разумной власти не столь уж и нужны. «Сто звезд Голливуда, – пишет он, – никогда не оказывали никакого влияния на деятельность правительства США и не претендовали на какое-либо политическое влияние. А сто народных артистов в России до сих пор остаются политической силой. Может быть, поэтому американское кино заполонило наши экраны, а наше американские – нет»[1].

Возможно, эта точка зрения является спорной, однако в ней, на наш взгляд, есть рациональное зерно. Нельзя забывать, что мы говорим о группе, которой еще два века назад была определена миссионерская роль. На ее плечи возложена задача осмысления и передачи огромного объема знаний, информации, традиций, труд по модификации, систематизации и рационализации наследия прошлого, по адаптации его к новым условиям, поиску ответов на вызовы времени. Эта функция, пожалуй, должна быть приоритетной.

[1] *Третьяков В.* Власть. Общество и интеллигенция в современной России. Что «лучшие люди страны» ждут от власти, а что власть – от «лучших людей страны» // Независимая газета. 2001. 17 янв.